

УДК 323.12:930(73)(045)

*И.Ф. Сергеевкова***ПРОБЛЕМЫ ФАШИЗМА В РАБОТАХ АМЕРИКАНСКОГО ИСТОРИКА ДЖОРДЖА МОССЕ (1918–1999 гг.)**

Исследуются оценки фашизма, представленные в работах известного американского историка Дж. Моссе. Дж. Моссе одним из первых стал рассматривать фашизм как общеевропейское явление, подчеркивая как разнообразие, так и сходство различных фашистских движений. Среди общих черт, которые должны рассматриваться в национальных контекстах он выделял: концепцию «духовной революции», националистическую или расистскую мистику, поиск «третьего пути», революционный динамизм и проблему «укрощения революции», миф о новом человеке, слияние буржуазной морали и респектабельности с этикой фашизма, представленной воинственными и традиционалистскими моделями мужественных мужчин. Дж. Моссе одним из первых обратился к антропологии, чтобы реконструировать систему убеждений людей, живших в конце XIX и начале XX вв., чтобы объяснить как Третий рейх смог стать политической реальностью. Большое внимание Дж. Моссе уделяет идеологическому фактору, рассматривая предпосылки фашизма, в то время, когда фашистская идеология воспринималась историками как полная бессмыслица. Дж. Моссе характеризует фашизм как светскую религию и обращается к изучению «литургических элементов» фашизма, символов и мифов, как средствам позволяющим понять, как современные массовые движения получали народную поддержку. Его многочисленные публикации способствовали смене парадигмы в фашистских исследованиях. В этом смысле он предвосхитил культурную направленность исследований более поздних авторов, таких известных историков фашизма как С. Пейн, Р. Гриффин и Э. Джентиле.

Ключевые слова: нацизм, фашизм, идеология, революция, светская религия, эстетика фашизма, национализм, новый человек, «третий путь», литургия.

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-4-527-544

Ссылка на статью:

Сергеевкова И.Ф. Проблемы фашизма в работах американского историка Джорджа Моссе (1918–1999 гг.) // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6, вып. 4. С. 527–544. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-4-527-544>

Введение

В России имя Джорджа Моссе известно лишь узкому кругу историков и философов. Между тем его научная деятельность оказала колоссальное влияние на развитие современных исследований фашизма. Джордж Л. Моссе автор 25 книг и нескольких десятков статей, посвященных культурной истории фашизма, расизма, антисемитизма и национализма. По мнению известного итальянского историка Э. Джентиле, Дж. Моссе совершил революцию в историографии фашизма, предложив новые методы его изучения [51, р. 43]. Один из ведущих американских исследователей фашизма С. Пейн назвал Дж. Моссе «первопроходцем в фашистских исследованиях» [46]. Итальянский историк Р. Де Феличе признает свой интеллектуальный долг перед Дж. Моссе, внесшим «фундаментальный вклад» в понимание феномена фашизма [7-9].

Дж. Моссе являлся почетным профессором европейской истории Университета Висконсин-Мэдисон, где он преподавал более 30 лет, почетным профессором истории в Еврейском университете Иерусалима, читал лекции в университетах Айовы, Корнелла, Кембриджа, Амстердама и Тель-Авива. В 1966 г. Дж. Моссе стал одним из основателей и редактором «Журнала современной истории» («Journal of Contemporary History»). Его многочисленные награды включают премию Американской исторической ассоциации за научные достижения, медаль Лео Бека, медаль Гете, премии Преццолини, Лейклендского университета (США) и Зигенского Университета (Германия). Под руководством Дж. Моссе было защищено тридцать восемь докторских диссертаций. Свое обширное семейное поместье (окончательно восстановленное правительством Германии и переданное Дж. Моссе) он передал в фонд Программы Джорджа Л. Моссе в Университете Берлина и Висконсин-Мэдисон для выделения грантов на научные исследования. Одним из проявлений признания вклада Дж. Моссе в историческую науку в 1999 г., всего через пять месяцев после его смерти, Исполнительный комитет Аме-

риканской исторической ассоциации учредил ежегодную книжную премию Дж. Л. Моссе в области европейской интеллектуальной и культурной истории со времен Возрождения. Это первая именная премия, присуждаемая за работу в области современной европейской интеллектуальной и культурной истории.

В 2003 г. российский читатель смог ознакомиться с работой Дж. Моссе «Нацизм и культура», которая представляет перевод документов, освещающих различные аспекты нацистской идеологии и культуры: распространение нацистской идеологии среди широкой общественности; самопрезентация нацизма как революции; идеалы женственности и мужского героизма; расизм и антисемитизм; контроль над искусством, литературой, кино и радио; влияние на науку и медицину; отношение к христианству; образование от начальных классов до университетов; нацистское расовое и гражданское законодательство; взгляды и положение немецких рабочих и среднего класса в 1930-х годах; рассказы о приходе нацистов к власти. На английском языке книга была опубликована в 1966 г. Примечательно, что пятьдесят шесть лет спустя «Нацизм и культура» так и остается уникальной документальной коллекцией, дающей более глубокое понимание нацистской эпохи.

Интерпретация Дж. Моссе проблем фашизма является интересной, оригинальной и практически не изученной в российской литературе.

Задача данной статьи рассмотреть основные положения концепции фашизма, разработанные Дж. Моссе, и значение его работ для современных исследований фашизма.

Источниками для изучения, обозначенных проблем, стали работы Дж. Моссе по проблемам фашизма, его мемуары, материалы научной конференции «Джордж Л. Моссе и политический символизм» [10] и работа его биографа К. Плессини [47].

Биография

Дж. Моссе родился в Берлине в сентябре 1918 г. Его дед по материнской линии, Рудольф Моссе, был основателем крупнейшего немецкого газетного концерна и издателем самой популярной либеральной газеты – «Берлинер тагеблатт», выступавшей против любого рода экстремизма, правого или левого, и стремившейся защитить демократические ценности и новорожденную Веймарскую республику от ее противников [50, р. 7]. После прихода к власти нацистов семья Моссе вынуждена была покинуть Германию и переехать в Англию. Здесь Дж. Моссе решил изучать историю. Он получил образование в школе Бутэм в Йорке, а затем в Кембриджском университете. В августе 1939 г. он поехал ненадолго в Соединенные Штаты, твердо намереваясь вернуться обратно и обосноваться в Англии, где он чувствовал себя как дома. Но начало Второй мировой войны изменило все. У Дж. Моссе не было выбора, кроме как остаться в США. Здесь он продолжил учебу в одном из престижных учебных заведений – Хаверфордском колледже. Затем поступил в Гарвардский университет, где в 1946 г. под руководством профессора Ч. Макилвейна защитил докторскую диссертацию. Его научная работа была посвящена развитию идеи суверенитета в Англии в XVII в. После защиты диссертации Дж. Моссе обратился к изучению проблем Реформации.

В 1956 г. молодой ученый был приглашен в Висконсинский университет в Мэдисоне читать курс лекций по современной европейской истории. Мэдисон стал его домом на долгие годы. В Висконсинском университете, который в то время был центром американской «левой» исторической мысли, Дж. Моссе имел репутацию блестящего преподавателя. Т. Бейтс в книге «Правдивая история конца шестидесятых» описывает, как студенты стекались на лекции Дж. Моссе, чтобы «насладиться искрометным дискуссией» с его другом и соперником, историком-марксистом Х. Голдбергом. Популярность Дж. Мосса была обусловлена его убедительным стилем изложения материала, пронизанного критическим скептицизмом, юмором и иронией.

Историческую профессию Дж. Моссе рассматривал как нечто большее, чем отстраненное изучение прошлого: история, считал он, «должна обязательно быть политикой настоящего» [3]. То, что делает историк, обязательно должно исходить из его собственных верований, идеалов и убеждений. Дж. Моссе разделял мнение итальянского философа Б. Кроче о том, что история – это духовный акт, направленный на осмысление прошлого. Мертвые «неисторические» факты становятся историей, когда к ним обращается живой и пытливый ум историка. Тогда, проходя через его ум и сердце, обогащаясь философскими и нравственными исканиями индивидуума, факты становятся живой и настоящей, подлинной историей. Дж. Моссе, как и Б. Кроче, верил, что книги историка должны быть чем-то большим, чем простые повествованием или объяснением фактов. История, с его точки зрения, долж-

на продвигать и защищать ценности, которые имеют политическое значение для современности. На одной из своих лекций он заявил: «Я разделяю веру Ромен Роллана в то, что главная обязанность интеллектуала – поддерживать огонь свободы в век железа» [20]. Свои мемуары, которые были закончены всего за десять дней до смерти, Дж. Моссе назвал «Противостояние истории». Смысл названия заключался в том, что он воспринимал роль историка, как вызов Прометея безжалостным богам времени, населяющим небытие за пределами, созданного человеком мира.

Дж. Моссе начал публиковать статьи по культуре Германии вскоре после своего переезда в Университет Висконсин-Мэдисон. Главными темами его исследований стали – фашизм, национализация масс, культ павших героев, политическая символика, фашистские ритуалы, история немецких евреев и Холокост. В этой проблематике переплетались его научный интерес и личный опыт, который Э. Джен-тите назвал «очарованием преследуемого». «Очарование преследуемого» означало: в 1932 г. Дж. Моссе посетил нацистский митинг, на котором выступал Гитлер, и много лет спустя он вспоминал, какие сильные чувства у него вызвала принадлежность к массе людей и харизма фюрера [51, р. 44]. «Такие митинги давали людям ощущение, что они способны произвести изменения» [1, р. 32].

В Германии в частной школе-пансионе в Салеме он оказался погруженным в среду, где пропагандировался национализм. Дж. Моссе описывает, как каждый день во время отдыха слушал роман В. фон Шеффеля «Эккехард», который читали ему и его школьным товарищам: «Это была история одновременно патриотичная и основанная на переплетении души и пейзажа. Эффект от книги усилился, когда школьная экскурсия привела нас к восхождению на гору Хоентвиль, описанную в романе. Пейзаж, в котором мы жили, был наполнен историей и вдохновил множество исторических романов; книги, подобные Эккехарду», воодушевляли молодежь моего поколения, включая меня, тогда еще подростка». Дж. Моссе отмечал: «Когда много позже, будучи историком, я писал о немецком национализме, у меня уже было представление о его поистине соблазнительной природе» [38, р. 55].

Личный опыт обусловил проблему, которую Дж. Моссе поставил в центр своих исследований – как нацизм «мог привлечь такую широкую народную поддержку и править на основе консенсуса в течение некоторого времени после прихода к власти» [28, р. XI]. В мемуарах Дж. Моссе писал: «Преступления Третьего рейха были написаны в моем сознании... это было прошлое, с которым нужно было столкнуться лицом к лицу» [38, р. 219].

Исторические исследования фашизма Дж. Моссе можно разделить на два этапа. Первый этап с 1961 по 1966 г., в течение которого главное внимание он уделяет изучению проблем идеологии и культуры, и второй – с 1969 по 1975 г., когда центральной проблемой исследования стали мифы, ритуалы, символы и политический стиль фашистов, визуально выражавшие их эстетические представления, идеологические установки, насаждавшиеся народным массам.

Опыт изучения Реформации в Англии, символов, искусства и театра, которым иезуиты и богословы придавали большое значение, поскольку стремились поразить воображение верующих, пригодился ему для исследования аналогичных явлений при фашизме. В XX в., как и в XVII, существовал конфликт между идеализмом веры и прагматическими соображениями политики [38, р. 205].

Методология

Еще в процессе изучения проблем Реформации Дж. Моссе формирует основные методы изучения фашизма. Прежде всего, он выступает против крайне консервативных трактовок истории, объясняющих исторические события волей отдельных исторических личностей. Он подчеркивает, что радикальные изменения обычно происходят, когда внешняя реальность начинает болезненно восприниматься человеком, когда общество созрело и стало готово к глубоким изменениям. «В этот момент лидер может предпринять попытку положить конец возникшей ситуации. Таким лидером стал М. Лютер, он, как и другие реформаторы, обнаружил, что Европа подготовлена к его посланию» [33, р. 2].

Второй важный принцип, сторонником которого был Дж. Моссе, – принцип историзма, означавший рассмотрение всякого явления в его развитии: зарождение, становление и отмирание. Историзм как способ осмысления прошлого, современности и вероятного будущего требует искать корни всех явлений в прошлом; понимать, что между эпохами существует преемственность, а каждую эпоху надо оценивать с точки зрения ее исторических особенностей и возможностей, в соответствии с ментальностью и идеями своего времени, никогда не проецируя на прошлое проблемы и концепции, которые принадлежали современному миру историка. «Историю нельзя читать задом наперед», – писал Дж. Моссе в 1957 г., оспаривая тезис о том, что истоки современной демократии заложены в

кальвинизме, – «если мы определяем демократию как избрание своих правителей всем народом и постоянный контроль со стороны управляемых за теми, кто был избран, то для людей XVI в. это означало бы анархию» [37, р. 1]. Задача историка, считал Дж. Моссе, понять, как люди того времени воспринимали и интерпретировали мир, в котором они жили, в соответствии с преобладающими идеями и ценностями своего времени, даже если это далеко не просто, поскольку историку приходится сталкиваться со способами мышления прошлого, которые отличаются от его менталитета и от его собственных категорий интерпретации жизни.

Дж. Моссе был противником установок позитивистов на необходимость интерпретации исторических явлений только через рационалистические категории – политические и экономические, придавая значение исключительно борьбе за власть и классовым интересам, минимизируя роль идеологии, которая рассматривалась как простая надстройка над экономической реальностью или как инструмент стремления к власти.

Значительное влияние на подход Дж. Моссе к изучению фашизма оказала работа Й. Хейзинги «Осень Средневековья». Й. Хейзинга считал, что целый ряд важных исторических проблем Средневековья в привычных социально-экономических категориях принципиально решить нельзя. Голландский ученый обращается к изучению особенности менталитета человека той эпохи. Аналогичным образом Дж. Моссе стал разрабатывать свой подход к изучению фашизма – антропологический, предполагающий повышенный интерес к человеку в истории, мотивам его поведения, действиям, поступкам, представлениям, ментальным нормам и ценностям. Он считал иррационализм неотъемлемой частью человеческой природы. Как вспоминает ученик Дж. Моссе Дж. Херф, для того чтобы стимулировать и привлечь свою аудиторию он говорил: «Вы все думаете, что эти идеи настолько абсурдны, что ими следует пренебречь? Разве вы не знаете, что нелепые идеи тоже очень важны. Или вы наивно думаете, что история развивается только на основе красивой, логичной кантианской этики?» [11, р. 8].

Большое влияние на Дж. Моссе оказало учение Г. Гегеля о диалектике. «Я считаю себя гегельянцем», – писал он [26, р. 29]. Дж. Моссе утверждал, что немецкий философ научил его динамично и диалектически рассматривать историю [26, р. 30]. Исходя из учения Г. Гегеля о единстве и борьбе противоположностей, в центр своего исследования Дж. Моссе поставил проблемы современного иррационализма, только так, по его мнению, можно было понять привлекательность национал-социализма, использовавшего иррациональные мифы и идеи, которые возникли не из «высоких» мыслей первоклассных интеллектуалов, а, скорее, из идей часто малоизвестных второсортных мыслителей, которые были намного ближе к чувствам народа. Пример Просвещения, по его мнению, показателен, поскольку он представляет собой неадекватность рациональной философии, которая не соответствовала настроениям масс. Как писал К. Г. Юнг (и Моссе процитировал его): «там, где массы находятся в движении, начинаются архетипы» [17, р. 35]. По мнению Дж. Моссе: «идеи выражены людьми, но они являются социальными продуктами; они задумываются, разрабатываются и модифицируются с учетом специфического набора исторических обстоятельств» [14, р. 149].

В 1957 г. появилась первая работа Дж. Моссе по проблеме нацизма, в которой он исследовал формирование образа еврея в немецкой массовой культуре XIX в. в романах Ф. Дана и Г. Фрейтага [31]. Публикация этой статьи ознаменовала не только вступление Дж. Моссе в область исследований нацизма и фашизма, но и начало важного обновления его метода исторического анализа. Одновременно он опубликовал полемическую статью о «прагматическом подходе», распространенном в то время в американской историографии, утверждавшим, что движущей силой истории являются только политические и социально-экономические факторы. По мнению Дж. Моссе, сторонники прагматического подхода, испытывали «страх перед идеологией» и не понимал, что «идеи тоже могут быть оружием» [32]. В этой статье он указывает на необходимость изучать мировоззрение, которое мотивировало действия людей на жизненно важных этапах исторического развития. Дж. Моссе считал, что знания политических и экономических фактов недостаточно для понимания исторических периодов, в которых события обусловлены решающим столкновением между противоположными способами интерпретации жизни и политики. Он подчеркнул важность изучения массовой культуры, которая способствует формированию взглядов людей и раскрывает их восприятие жизни и мира, в котором они живут. Читая романы Ф. Дана и Г. Фрейтага, которые повлияли на образ мышления нескольких поколений немцев, ученый, объяснял Дж. Моссе, мог извлечь «более глубокое понимание немецкого национализма..., чем из многих отчетов о его развитии» [31, р. 227].

Статья об образе еврея в политической культуре Германии была, по сути, первым конкретным применением метода исторического анализа, изложенного в статье о «прагматическом подходе». Дж. Моссе продемонстрировал важность изучения массовой культуры для понимания формирования и распространения стереотипов и установок, которые сыграли важную роль в возникновении нацизма и способствовали его успеху. Он подчеркивает, что антиеврейские чувства приобретают особую актуальность только, когда они сочетаются с политическими и экономическими проблемами или когда интересы еврейской группы вступают в конфликт с другими влиятельными интересами, но они не смогли бы приобрести такой уровень ненависти без поддержки и предварительных усилий массовой культуры. Вот почему мы должны уделять больше внимания таким культурным исследованиям, подчеркивает Дж. Моссе, и изменить нашу исключительную концентрацию на социальном, политическом или экономическом анализе. Только так мы сможем понять сохраняющееся влияние антисемитизма, которое до сих пор кажется удручающим, и понять его непосредственную политическую или социальную значимость [18].

Семинар в Стэнфордском университете и журнал «Современная история»

В 1963 г. Дж. Моссе был приглашен в Стэнфордский университет в качестве руководителя семинара «Интеллектуальные основы национал-социализма», организованного для исследователей, получивших гранты университета. В семинаре принимали участие известные историки, политологи и социологи, в том числе Х. Сетон-Уотсон, К. Д. Брахер, Х. Линц, Г. Крейг, Дж. Шихан, Г. Ленгмюр, М. Ледин и П. Гай. Бурные дискуссии в рамках семинара вызывал вопрос о дефиниции фашизма. Дж. Моссе пришлось столкнуться с критикой его тезиса, о том, что идеология фашизма не была мешаниной идей и ее следует рассматривать как целостную рациональную систему, имеющую внутреннюю логику и являющуюся «по существу религиозной», основанной на мифе, расе и ритуале. Помещая идеологическое измерение и культуру (в том смысле, в котором он их определял, а именно как «отношение к жизни») в центр своего анализа фашизма, Дж. Моссе не преуменьшал, однако, значения объективной реальности. «Я очень осторожно сказал, – пишет он о своем выступлении на семинаре в Стэнфорде, – что идеология сама по себе не объясняет всего; вы должны привлечь объективные факторы» [51, р. 15]. Почти два десятилетия спустя во введении к книге «Массы и человек», он повторил эту методологическую концепцию. «В любом анализе прошлого важна объективная реальность и человеческие представления о ней...» [24, pp. 14–15]. К сожалению, стенографический отчет о заседаниях семинара так и не был опубликован.

В 1966 г. по инициативе Дж. Моссе и директора лондонского Института современной истории, профессора У. Лакёра в США вышел первый номер журнала «Современная история» (Journal of Contemporary History). Долгие годы Дж. Моссе и У. Лакёр оставались его главными редакторами. Во вступительной статье к первому номеру Дж. Моссе определил одну из главных задач издания – изучение фашизма как европейского явления. «... мы в своем анализе фашизма не ограничимся одной Германией, а уделим внимание также истории других стран, так как в 30-х годах не было ни одной страны, не имевшей собственной фашистской партии, и в 1936 г. создание фашистской Европы казалось возможным, хотя Германия еще не могла играть роль гегемона в этом движении. Италия была важным образцом и даже пыталась, пусть и безуспешно, создать фашистский Интернационал, у национальных фашистских партий были свои задачи и им надо было решать свои собственные проблемы. Однако если мы захотим приблизиться к сути фашистской революции, мы должны проанализировать ее в европейском масштабе, с учетом основных особенностей, но сначала попытаться выяснить, что было общим для этих движений. Хотя у фашизма не было одного общего основателя, повсюду в Европе он возникал в результате одних и тех же проблем и предлагал одинаковые решения» [29, р. 14].

«Кризис немецкой идеологии: интеллектуальные истоки Третьего рейха»

Историки, изучавшие фашизм, задавались вопросом, почему умные и образованные люди поддерживали нацистов, поверили в их идеи. Для одних исследователей идеология национал-социализма была продуктом неуравновешенных людей. Для других – пропагандистской тактикой, призванной завоевать поддержку масс, но ни в коем случае не мировоззрением самих лидеров. Третьи считали эти вопросы настолько второстепенными, что просто игнорировали их. Дж. Моссе бросил вызов тра-

диционными интерпретациям фашизма в новаторской книге «Кризис немецкой идеологии: интеллектуальные истоки Третьего рейха», опубликованной в 1964 г.

Методологической основой работы Дж. Моссе стала диалектика между реальностью и ее иррациональным восприятием человеком и обществом. Чтобы понять причины массовой поддержки нацистов он обратился к изучению массовой культуры, которая способствовала формированию взглядов простых людей, воздействовала на их восприятие жизни, создавала стереотипы и установки, которыми умело артикулировали нацисты.

Дж. Моссе ясно дает понять, что приход Гитлера к власти в 1933 г. не может рассматриваться как историческая случайность, временное заблуждение, навязанное нацистской пропагандой. Он также отвергает точку зрения Х. Арендт, Т. Адорно о поддержке нацистов представителями необразованного нижнего среднего класса [2, pp. 111–112]. Дж. Моссе пишет: «Важно иметь в виду, что нацисты нашли наибольшую поддержку среди уважаемых, образованных людей» [27, p. 1]. Немецкие мыслители начала XX в., такие как М. Хайдеггер и К. Шмитт, создавали произведения, в ткань которых была вплетена нацистская идеология. Они излагали идеи, которые витали в немецком обществе в течение столетия – идеи «фёлькише», которые были «...прямым продуктом романтического движения в Европе девятнадцатого века» [27, p. 10].

Дж. Моссе подчеркивает, что романтическое движение с его особым вниманием к проблемам нации, национальной солидарности, великой миссии своего народа, национальной душе народа, человеку и миру, в котором он существует, стало интеллектуальной основой идеологии «фёлькише». Романтизм в Европе был реакционным движением, направленным против ранней промышленной революции и Эпохи Просвещения. Неотъемлемым аспектом романтизма было отношение человека к природе и то, как они формируют друг друга. «Согласно теоретикам «фелькише», душа народа определяется местным ландшафтом»: пишет Дж. Моссе [27, p. 4]. Следовательно, немцы, «...которые живут в темных, окутанных туманом лесах, глубоки, таинственны, основательны. Поскольку они постоянно окутаны тьмой, они стремятся к солнцу и являются истинными Людьми света» [27, p. 5].

Романтизированная идея души, привязанной к природе, подпитывала призыв к поиску альтернатив быстрой модернизации, которую Европа пережила с середины XIX в. Теория «фёлькише» провозглашала: «...индустриальная и городская цивилизация... казалось, лишила человека его индивидуально, творческого "я", одновременно отрывая его от социального порядка...» [27, p. 17]. Дж. Моссе повторяет высказывание М. Хайдеггера, который жил в горах за пределами Фрайбурга, превозносил достоинства природы и критиковал современность: «не в пределах города, а в пейзаже, сельской местности, родной для него [народа], человеку было суждено слиться с природой и укорениться в народе» [27, p. 15]. Для таких людей, как М. Хайдеггер, современность была воплощением сил, подрывающих традиционные связи в обществе. До этого человек жил в гармонии с традицией, стремился ее сохранить, традиция была осязаема и ощутима. И этот мир стал распадаться, общество дезинтегрировалось. Человек попадал в рыночную систему с ее рациональными и абстрактными структурами, а отдельный человек оказывался изолированным от прежних традиционных групп. Традиции стали разрушаться. Именно поэтому, считает Дж. Моссе, возникает потребность противостоять этим процессам.

По всей Германии создаются различные молодежные движения, которые инфильтрировали романтизм. Ключевым механизмом распространения идеологии «фёлькише» стала немецкая система образования, воспитавшая несколько поколений немецкой молодежи, принявших ее положения и создавшая, таким образом, условия для прихода к власти нацистов. «Для многих, разделявших цели, провозглашенные идеологами, "фёлькише", национал-социализм представлял собой наиболее реальное средство их достижения», – пишет Дж. Моссе [27, p. 310]. Он приводит пример, свидетельствующий о влиянии «фёлькишских» идей на образованных немцев, так съезд студентов в Ганновере в 1929 г. потребовал от министра культуры создать в вузах кафедры этнографии и геополитики; ученые поддержали это требование.

Веймарская республика и парламентская система вызывали крайне негативную реакцию идеологов «фёлькише», утверждавших, что парламентское правление было не только «устаревшей» концепцией либерализма XIX в., но и бесполезным институтом, опиравшимся на политические партии «...препятствующие истинному единству народа» [27, p. 283]. К. Шмитт, известный немецкий юрист и политический теоретик, утверждал, что «...вызывающая разногласия парламентская политика контрастировала с органическим единством, к которому стремилось большинство немцев» [27, pp. 6–7].

У идеологов «фёлькише» противостояние либеральному парламентаризму сочеталось с параноическим характером антисемитизма, они утверждали, что «...евреи, будучи народом пустыни, являются поверхностными, "сухими" людьми, лишенными глубины и полностью лишены творчества из-за бесплодия пустынного ландшафта, евреи – духовно бесплодный народ» [27, р. 4]. Концепция еврейского народа как «духовно бесплодного» и «лишенного творчества» нашла отражение в книге Гитлера «Майн Кампф». В одиннадцатой главе, озаглавленной «Нация и раса», он изложил свои взгляды на место евреев в немецком обществе и человечестве в целом. Гитлер разделил человечество «...на три группы: основатели культуры, носители культуры, разрушители культуры», и «...только ариец может рассматриваться как представитель первой группы». Евреи лишены своей собственной культуры и даже лишены своей собственной земли, они «...паразиты на теле других народов...» [14, р. 290]. По словам Дж. Моссе, «Майн Кампф» Гитлера органично вписывалась в программу «фёлькише», утверждавшую, что евреи были не только противоположностью народу, но и теми, кто активно стремился подорвать идеологию народа.

Стремительная модернизация и связанные с ней негативные явления, послужили идеальной парадигмой для немецких идеологов, представлявших евреев как причину всех бед Германии. Дж. Моссе утверждает, что в XIX в. и XX в. у идеологов «фёлькише» «...еврей отождествлялся с современным индустриальным обществом, которое уничтожало крестьянство, лишив его земли, и тем самым уничтожило подлинную часть народа» [27, р. 27]. Такая абсурдная оценка, подчеркивает Дж. Моссе, возникла потому, что люди еврейского происхождения обычно были торговыми посредниками, торговцами и дилерами различной сельскохозяйственной продукцией, необходимой крестьянам-фермерам в XIX и начале XX вв. Представители этих профессий, часто связанные необходимостью взыскивать долги, стали ассоциироваться с европейским еврейством, и, таким образом, не только сама профессия, но и те люди, которые в ней работали, были обвинены в активной работе против интересов народа. В веймарский период, евреи, по мнению идеологов «фёлькише», стали символом «пагубного капитализма» и пособниками «развращающей силы материализма» [27, р. 286].

Антисемитизм Гитлера, по словам Дж. Моссе, сформировался в Вене. Гитлер сам писал, что в Вене он был «...ужасно испуган», странной, отталкивающей одеждой и внешним видом евреев», что в конечном счете укрепило в нем идеи «фёлькише» [27, р. 295].

Конечно, вопрос о том, почему и как Гитлер и нацистская партия пришли к власти, значительно сложнее, чем только влияние идеологии «фёлькише», однако можно согласиться с Дж. Моссе, который, опираясь на огромный массив источников, сформировал важный вывод о значительном сходстве идеологии «фёлькише» и нацизма: антисемитизм, идея народной общности, геополитические и расовые идеи. Сторонники «фёлькише», справедливо указывает Дж. Моссе, подготовили благодатную почву для нацизма, дали им многие пропагандистские установки, способствовавшие приходу НСДАП к власти и проведению планомерного уничтожения евреев.

Посредством эмпирических исследований, проведенных на основе нового культурного подхода, Дж. Моссе сделал важный вывод, что фашизм нельзя понимать просто как «антидвижение», случайную реакцию, вызванную Первой мировой войной и большевизмом, как отклонение от исторического прогресса, фашизм был «кульминацией» культурных и политических движений, которые уже пустили корни в европейском обществе и культуре до начала Первой мировой войны. Дж. Моссе рассматривал фашизм как крайний результат столетнего конфликта между либерализмом и тоталитаризмом, между просвещением и романтизмом, между рационализмом и иррационализмом, между личностью и массой. И в этом конфликте он видел фундаментальное значение для возникновения фашизма.

Согласно Дж. Моссе, в периоды стремительных преобразований люди чувствуют себя в значительной степени во власти обезличенных сил, которые, глубоко изменяя реальность, в которой они живут, нарушают их существование, меняют их систему убеждений и представления о добре и зле. Люди стремятся восстановить стабильность, жить в безопасном и счастливом мире, и для того, чтобы реализовать это стремление, они готовы подчиниться авторитету любого, кто, по их мнению, обладает силой добиться лучшей жизни. Так происходило в начале нового времени, во времена Реформации, то же самое происходило в XIX и XX вв.

На протяжении всей истории, замечает Дж. Моссе, были люди, которые, подобно пуританам, хотели «построить Иерусалим без промедления», но в современную эпоху это желание, по-видимому, было доминирующим у большинства [43, pp. 6–7], даже ценой отказа от свободы, чтобы снова реинтегрироваться в органическую общность. Это стремление, по словам Дж. Моссе, стало основной при-

чиной принятия миллионами мужчин и женщин идеологии фашизма, потому что она отражала их мифы, стереотипы, представления о добре и зле, и рассматривалась, как эффективная сила в противостоянии с современностью.

Позднее Дж. Моссе частично смягчил свое определение фашизма как антисовременного движения. Он признавал, что фашизм — и особенно итальянский, не имел полностью негативного отношения к модернизации. Фашисты не побоялись использовать современные технологии, если их можно было встроить в фашистские мифы. Действительно, диктаторы были необычайно проницательны в оценке технического прогресса... Новейшая технология была присоединена к идеологии, которая смотрела в прошлое, чтобы определить будущее... Национализм и даже народное мышление не обязательно были против модернизации, при условии, что она будет служить идеологии режима... [24, р. 182].

Таким образом, Дж. Моссе признавал, что у фашизма не было оригинальной идеологии, подобно мусорщику он пытался присвоить все, что привлекало людей в XIX и XX вв. И именно эта особенность, по его мнению, была одной из основных причины успеха фашистов: «отсутствие оригинальных идей не было недостатком, как предполагали многие историки, поскольку оригинальность не ведет к успеху в эпоху демократической массовой политики. Синтез, который пытался осуществить фашизм между активизмом и порядком, революцией и поглощением прошлых традиций оказались исключительно успешными» [24, pp. 183–84].

Дж. Моссе не считал, что национал-социализм был неизбежным результатом немецкой культуры «фёлькише», решающую роль в формировании фашизма, по его мнению, сыграла Первая мировая война. Фашизм был «продолжением военного опыта в мирное время»; он «был основан на сильной и уникальной революционной традиции, с акцентом на молодежь и военный опыт; он смог воссоздать массовый консенсус, разрушенный проигранной войной» [24, р. 169].

Концепция Дж. Моссе и европейские историки

Европейские историки весьма прохладно встретили книгу Дж. Моссе. В 1968 г. в Италии был опубликован итальянский перевод «Кризиса немецкой идеологии». Тираж оказался по большей части нереализованным. В Германии также признание работ Дж. Моссе происходило медленно: гегемония социальной истории не благоприятствовала культурно-историческому подходу. Во Франции, где господствовала школа «Анналов», можно было допустить, что работы Дж. Моссе вызовут благоприятный отклик, но ни одна из его книг долгое время не переводилась на французский язык. Только в начале 2000-х гг. были изданы «Павшие солдаты» и «Образ человека» [35; 29].

Большинство европейских историков считали, что фашистской идеологии и фашистской культуры не существовало, фашисты были головорезами на службе классовой реакции для защиты ее корыстных интересов, их лидеры были демагогами без принципов и морали, движимые лишь стремлением к власти. Фашистские режимы были насильственно навязаны враждебному им населению, которое подверглось изощренной пропаганде. Фашизм, в конце концов, не имел собственной исторической индивидуальности, как либерализм, демократия, социализм или коммунизм, а был всего лишь «антидвижением», «революцией нигилизма». Изучение идеологии нацизма воспринималось как нечто реакционное и консервативное, как продолжение идеалистических традиций Ф. Майнеке. Кроме того, историки ФРГ обвиняли историков-эмигрантов в том, что они пишут немецкую историю субъективно.

Немецкий перевод книги Дж. Моссе «Кризис немецкой идеологии» был опубликован лишь в 1979 г. На нее откликнулся только сторонник Ф. Фишера в Гамбургском университете — Бернд Юрген Вендт. Он заявил, что книга Дж. Моссе не получит должного внимания из-за сильного акцента автора на идеологию и преемственность Вильгельмовской Германии и национал-социализма [6]. Предвидя подобную критику, Дж. Моссе написал новое введение к немецкому переводу книги, в котором подверг критике одного из ведущих немецких историков 1960-х гг. — Г. Риттера, обвинив его в написании апологетической истории национал-социализма: «Воспринимая национал-социализм как разрушение немецкого прошлого, как уникальное отклонение, вызванное войной и экономическими кризисами после Первой мировой войны, немецкие историки выбирают легкий путь. Любой вопрос об их собственной личной ответственности отпадает, если рассматривать только эти силы» [42]. Дж. Моссе критикует немецких коллег, которые не принимали во внимание тот факт, что расизм был частью немецкой культуры задолго до 1933 г. Вместо этого, они переключили внимание на сходство между нацизмом и большевизмом, чтобы «замаскировать немецкое прошлое». Утверждение, что национал-социализм был просто зеркалом большевизма, соответствует этой цели [42]. Полемика

Мосса была явно направлена против теории тоталитаризма, широко представленной в западной историографии фашизма.

«Новая политика». От идеологии к мифу и литургии

Большое место в интерпретации фашизма Дж. Моссе занимает идея «новой политики». Впервые это понятие появляется во введении к сборнику эссе «Немцы и евреи: Правые, левые и поиск "третьей силы" в до нацистской Германии» [22]. В понятии «новая политика» Дж. Моссе объединил политическое и литургическое, мифическое и эстетическое, связав все это с современными массовыми движениями, в частности, с фашизмом, и указал на его религиозный характер.

Разрабатывая концепцию «новой политики», Дж. Моссе переосмыслил роль интеллектуалов, делая акцент не на идеях, изложенных в их трудах, а на их роли в формировании нового политического стиля эпохи масс. Ярким примером стал итальянский поэт Габриэле Д' Аннунцио. Причина, по которой поэты стали политически востребованными, заключалась, по утверждению Дж. Моссе, в изменившейся природе политики. Габриэле Д' Аннунцио был первым кто внес существенные изменения в искусство управления. Поэт превратил политику в драму со светскими литургическими обрядами и символами, тесно связанными с понятием красоты. Национальные фестивали, часто проводимые под звездами, на священной родной земле, в окружении таких символов, как священный огонь и флаг, формировали новый политический стиль, необходимый для объединения нации, и выработки национального самосознания [45, pp. 32–33].

Если на семинаре в Стэнфорде Дж. Моссе намекнул на религиозный характер фашизма, то теперь аналогия между национал-социализмом и религией легла в основу новой формулы интерпретации диалектики между иррационализмом и рациональностью в политике фашизма. Он больше не представляет нацистскую культуру как простую «аналогию» религии, а скорее как неотъемлемую часть самой сути национал-социализма: литургия с элементами надежды придавала движению характер новой веры [24, р. XXXI]. Фашизм теперь представлялся как «светская религия мифов и символов, которая выражала себя в массовых собраниях и публичных праздниках» [43, р. 335]. «"Новая политика" вовлекала организованные массы в политику через обряды, символы и коллективные праздники, которые вместе с фигурой лидера заменили парламентские институты, создавая ощущение «истинной демократии» [36, pp. XIV, 252].

Интерес Дж. Моссе к политической символической исходил из теории Ж.Ж. Руссо о гражданских праздниках как необходимых инструментах для воспитания патриотизма у граждан. В своих мемуарах он пишет: «Я начал писать "Национализацию масс" в 1972 г., когда преподавал в Иерусалиме и жил в квартире историка Джейкоба Тальмона, окруженный работами Руссо и лидеров Французской революции. Именно Руссо указывал мне на важность мифа, символа и разыгрывания политической литургии, отойдя от веры в то, что "народ" может управлять собой через городские собрания, он обратился с призывом к правительству Польши изобрести публичные церемонии и фестивали, чтобы наполнить людей духом верности нации [38, pp. 177–78].

К числу факторов, подтолкнувших Дж. Моссе к изучению фашистской символической стала также встреча с А. Шпеером, которая позволила ему проникнуть в менталитет национал-социализма и, прежде всего, в его символическую самопрезентацию, предоставленную одним из главных создателей нацистской литургии [38, р. 205]. По мнению Дж. Моссе, беседа со Шпеером помогал понять силу притяжения, оказываемую Гитлером на миллионы людей, «многие из которых видели в его политической литургии удовлетворение своих потребностей» [16, р. 55]. Ярчайшим примером, созданного А. Шпеером ритуала был «храм света», созданный для проведения нацистского съезда в Нюрнберге. Он использовал для этого 152 зенитных прожектора, направленных вверх вокруг места сбора.

В 1969 г. Дж. Моссе опубликовал статью «История, антропология и массовые движения» [15]. Основываясь на антропологических теориях Э. Кассирера и К. Леви-Стросса о роли мифа и символа в проявлениях коллективной ментальности, он сформулировал новый подход к изучению культуры, более подходящий для понимания массовой политики. «Пришло время выйти за рамки изучения элитарных групп и перейти к более тщательному исследованию популярных практик и настроений, потому что «в эпоху массовой политики и массовой культуры историку нужны новые подходы, учитывающие те популярные представления, которые сыграли кардинальную роль в эволюции людей и общества... чтобы понять природу и силу народных верований, пристрастий и как они выражаются в политике и культуре» [15, pp. 447–48].

Изучая массовые мероприятия фашистов, их символику, Дж. Моссе приходит к выводу, что все современные массовые движения используют знакомые мифы и символы, выраженные в литературе, литургии, фестивалях, шествиях, массовых собраниях, национальных памятниках и культе павших героев. «Историки культуры должны признать, что в эпоху масс «иррациональное, по-видимому, преобладает, и историкам нужны другие инструменты, чтобы уловить структуру массового сознания. Здесь антропология может оказать большую помощь, ибо антропологи не только занимаются анализом народных обычаев и обычаев сообщества, но и изучением мифов и символов, что обеспечит возможность проникновения в сознание как современного, так и первобытного человека» [15, р. 452]. Эта методологическая статья завершила переход от изучения идеологии к изучению фашистской литургии.

В 1973 г. Дж. Моссе опубликовал статью «Массовая политика и политическая литургия национализма» [41], а затем, вышла монография «Национализация масс», книга, которую сам Дж. Моссе назвал своим «настоящим прорывом» [36]. В ней он рассматривал вопросы, связанные с памятниками, символикой огня и крови, фестивалями гимнастов, танцоров и снайперов, как примеры того, что он назвал «национальным самовыражением». К таким понятиям, как «политическая религия» и «светская литургия» он добавил: «политические культы», «мученики», «святыни» и «паломничество» [35; 41; 36]. «Излишне добавлять, что фашизм был не идеологией в традиционном значении этого термина, а верой, которую нельзя было объяснить исключительно рациональными терминами, о чем историки прошлого забыли», – пишет Дж. Моссе [38, р. 177].

Нацистские ритуалы, символы и массовые церемонии Дж. Моссе интерпретировал как инструменты власти, как методы доминирования, используемые лидерами для привлечения масс и контроля над ними. Литургический элемент, как «вечная истина» подпитывался и усиливался постоянным повторением лозунгов, хоровой декламацией и символами. Эти технические приемы превратили нацизм в новую религию со своими ритуалами, давно знакомыми по традиционным формам богослужения. Нацистские массовые собрания казались чем-то новым, но на самом деле содержали преимущественно традиционные элементы как в техническом, так и в идеологическом плане [29, р. 17]. «Показательно, что Геббельс во многих своих выступлениях использовал религиозную терминологию» [25, р. 20]. Более того, нацизм стал тотальным мировоззрением, исключавшим все другие. Гитлер считал, что со временем христианство будет полностью устранено из общественного мнения страны [25, р. 20].

Ключевой вопрос, который встал перед Дж. Моссе, когда он переключил свое внимание с идеологии на литургию, касался взаимосвязи между верой и прагматизмом, между «подлинностью» системы верований, выражающих идеологию, и «манипуляцией» массами со стороны лидеров. Он попытался объяснить эту взаимосвязь формулой «идеологического прагматизма», которая, применима к интерпретации роли лидера, рассматриваемого как человека, который фанатично верит в идеи, которые он хочет реализовать, но в то же время прибегает к любой форме оппортунизма для того, чтобы достичь своей цели. Даже самая жестокая и неприкрытая воля к власти самого беспринципного оппортуниста, утверждал Дж. Моссе, должна учитывать конкретную историческую ситуацию, существующую интерпретацию проблем и отношение к жизни [22, р. 21].

Дж. Моссе не сомневался, что Гитлер «действительно верил в мировоззрение расизма, народности и духовности, четко представляя, каким образом донести его до людей». Он «умело использовал» предрассудки, широко распространенные среди немцев. В «Нацистской культуре» Дж. Моссе выражает сомнение, что концепция «манипуляции» адекватна для интерпретации литургии и массовой политики национал-социализма. Он подчеркивает, что всегда было много тех, кто с энтузиазмом относился к новому порядку, кому нацистская идеология, казалось, придавала новый смысл жизни. «Для миллионов людей, которые жаждали реставрации морали и семейного уклада, и для тех, кто, хотел, чтобы Германия заняла свое законное место среди народов, Гитлер приоткрывал надежду...». «Теперь, – пишет Дж. Моссе, – мы можем рассматривать приход нацистов к власти в его надлежащих измерениях – как открытие шлюзов, через которые нацистская культура хлынула в массы. То, что она затронула так много чувствительных струн, является, возможно, величайшей трагедией из всех... но то, что миллионы людей должны были полностью и безоговорочно отождествить себя с нацистской культурой, придает серьезность этим документам, от которых нельзя отмахнуться, как просто созданных умной и успешной пропагандой» [25, р. 368].

Дж. Моссе критиковал любую интерпретацию, которая сводила фашизм к инструменту лидера для прихода к власти, потому что «чрезмерный акцент на лидере игнорирует фашизм как движение». Полемизуя с Э. Нольте, Дж. Моссе пишет: «Ссылка на мировоззрение Гитлера для объяснения де-

аний его последователей приводит к поразительному выводу: после смерти фюрера нацистское руководство, как говорится, вернулось к своему «первоначальному положению», снова превратившись в "группу благонамеренных и культурных центрально-европейцев". Такого рода заявления ставят под сомнение понимание Нольте нацистской идеологии, а также его анализ буржуазного общества. Такие люди добровольно становились нацистами до того, как они оказывались на руководящих постах...» [19, p. 624].

В рецензии на перевод книги Э. Нольте «Фашизм в его эпохе» Дж. Моссе распространил определение нацизма как религии на фашизм в целом: «Фашизм был новой религией (не стыдящейся использовать традиционные религиозные символы) и конечно, она дала своим последователям их собственное чувство трансцендентности, а не трансцендентности, как ее определяет Э. Нольте...» [19, p. 623].

Таким образом, бывший исследователь кальвинизма стал историком культуры нового типа, историком «светской религии».

В статье «Фашистская эстетика и общество: некоторые соображения» [21] Дж. Моссе обращается к вопросу о роли эстетики в «новой политике». Он утверждает, что фашистская эстетика была результатом долгого развития. Возрождение классической античности в XVIII в. установило стандарт красоты, который никогда не терял своей привлекательности для образованных людей, которые в Германии, Италии и в других странах, рассматривали его как свое особое наследие. Они ценили классическую красоту форм, будь то человеческое тело или архитектура. Фашистская эстетика не изобрела ничего нового. Устоявшиеся стереотипы сыграли важную роль в формировании представления фашизма об идеальном типе, о «новом фашистском человеке» или немецком арийце. Идея, сформированная немецким историком искусства И. Винкельманом в середине XVIII в. о том, что структура человеческого тела указывает на структуру разума, должна была стать общепринятой. Эстетика сыграла определяющую роль в формировании стереотипов: каждый мужчина должен стремиться к классическому стандарту красоты, строя свое тело (мы должны помнить, какую роль играли физические упражнения в эстетике фашизма). Красивое мужское тело, демонстрировало как самообладание в осанке, так и мужественность в игре мускулов; оно символизировало как динамику, так и дисциплину, которых желало и в которых нуждалось общество.

Идеальный человеческий тип должен быть четко выделен и противопоставлен тому, кого нацисты называли «контртипом», полной противоположностью нормативному идеалу. В книге под названием «Контртип», вышедшей в Германии в 1938 г. четко было указано, что подразумевало различие между идеалом и его противоположностью. Например, объяснялось, как изображать евреев в нацистской прессе или чернокожих в итальянских газетах до и после абиссинской войны. Фашистская эстетика обострила и усовершенствовала образ врага, продолжая придавать ему традиционные негативные телесные черты – например, еврейский нос или неправильная походка. Респектабельное немецкое общество было не прочь таким образом укрепить свою самооценку и чувство превосходства.

Эстетика человеческого тела, цвета и формы использовалась для национализации масс. Молодежь (и даже те, кто не так молод), которая маршировала и отдавала честь, должна представлять идеальный тип, олицетворяющий движение и нацию. Благодаря своим динамичным и мужественным движениям, объединенные и дисциплинированные массы символизировали порядок и прогресс и служили примирению обоих. Фашистская эстетика формировала фашистский взгляд на человека, на его окружение и на политику. Это был цемент, который скреплял фашистское движение, считает Дж. Моссе. «Идея красоты олицетворяла упорядоченный и счастливый мир, к которому стремились массы и обеспечивала консенсус» [36, p. 20].

Дж. Моссе, конечно, не был первым историком, который рассматривал фашизм как форму эстетизации политики, но оригинальность его интерпретации заключалась в том, что он связал эстетику фашистской политики с традицией, которая не была исключительно фашистской, но имела более глубокую историю, и отражала фундаментальные потребности человеческого духа, став основой «новой политики».

В последующие годы Дж. Моссе развивал идею о тождестве национал-социализма и буржуазной морали. Он подчеркивал важность связи между эстетизацией политики и буржуазной моралью. В конце концов, эта связь стала для Моссе наиболее характерным элементом в его интерпретации фашизма как «антибуржуазной революции буржуазии» [24, p. 6], при этом акцент делался на буржуазной составляющей, не столько в социальном и экономическом смысле, сколько в моральном. Новый

человек фашизма – таково было окончательное убеждение Дж. Моссе – был «идеальным буржуа» [26, р. 43].

Через год после выхода книги Дж. Моссе «Национализации масс» во Франции появились исследования фестивалей, королевских, республиканских и имперских ритуалов в Великобритании, Франции, Германии, России и Японии. Э. Ле Руа Ладури посвятил свою книгу карнавалу XVI в., который превратился в битву между знатью и простолюдинами. Особенно интересной была книга М. Озуф о фетишах Французской революции, рассматривающая еще один пример политической религии [5, р. 4]. В 1983 г. Э. Хобсбаум выдвинул концепцию «изобретения традиции», сосредоточив внимание на конце XIX–начале XX вв. «Изобретенная традиция» – пишет он, – «это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение [13, pp. 263–308]. Таким образом, исследования Дж. Моссе в сфере культуры получили признание и дальнейшее развитие.

Фашистская революция

В ряде работ Дж. Моссе характеризовал фашизм, как «революцию правых», отклонив устоявшееся мнение о том, что настоящая революция должна быть прогрессивной, созидательной, а не деструктивной, как это было в случае с фашизмом. Он считал, что фашизм был «исключительно идеологическим видом революции» [51, р. 62].

В работе «Нацизм: исторический и сравнительный анализ национал социализма», вышедшей в 1977 г., он определяет фашизм как «антибуржуазную революцию буржуазии» [26, р. 66]. Дж. Моссе, объясняя такое противоречивое определение, указывал, что главными действующими лицами этой революции были молодые буржуа, восставшие против своих родителей, против рациональности современного мира, позитивизма и парламентского правления, т. е. всех типичных буржуазных ценностей, выступавших за идеал «подлинного», испытывавших романтическую ностальгию по доиндустриальному обществу, которое они стремились восстановить через мифы о родном пейзаже и «мистицизме природы» [26, р. 66]. Отчужденный индустриальным обществом человек (буржуа) должен снова стать органичным и цельным. Это была «революция особого рода – бегство в идеологию», конечно, иррациональную идеологию, которая должна была создать противовес нынешнему окаменевшему обществу. Говоря о буржуазии, Дж. Моссе имеет в виду средний класс. «В Германии, – пишет он, – «фашизм стал «революцией среднего класса» это была попытка сохранить ценности среднего класса нетронутыми» [26, р. 95]. Важное значение придавалось и «традиционным узам» человека: народ, семья, мораль.

Фашистская революция хотела осуществить «революцию духа», не изменяя базовых структур буржуазного общества; она хотела установить новую иерархию ценностей и функций, не нарушая классовых различий. «Это революция души, они революционизировали душу. Они оперировали именно такой концепцией. Я не говорю, что они не хотели власти. Все хотят власти... Это революция, чтобы создать нового человека... они говорили не столько о новом обществе, фашисты говорили о новом фашистском человеке, и я думаю, что это очень важно» [51, р. 63].

По мнению Дж. Моссе, хотя фашизм не изменил классовую структуру, но социальный патернализм дал рабочим нечто большее, чем предыдущие парламентские режимы. В действительности реальная заработная плата рабочих упала, а богатые стали еще богаче. Но благодаря организации корпоративной системы работник чувствовал себя ценной и неотъемлемой частью целого... Это чувство принадлежности было воплощено в возвышении униформы, которая повышала статус человека, который выполнял самые скромные задачи... Восстание против системы было, однако, не единственным элементом фашизма. «Ключ к фашизму – это не только восстание, но и его укрощение» [29, р. 15].

Это последнее утверждение, в свою очередь, является ключом к интерпретации фашизма Дж. Моссе. С одной стороны, мы имеем антибуржуазные элементы восстания; с другой – их укрощение после прихода к власти.

Эта новая концепция была важна для понимания внутренней динамики фашизма как революционного движения, которое столкнулось с необходимостью выполнить свои обещания наведения порядка и установления стабильности. Ибо проблема, стоявшая перед фашистскими лидерами, заключалась в том, как противостоять хаосу, который может возникнуть. По словам Дж. Моссе, Ж. Со-

рель и Г. Лебон показали фашизму, как приручить революцию и интегрировать массы с помощью мифа, консервативного иррационализма толпы и харизмы лидера. В интерпретации Дж. Моссе конфликт между революционными и традиционными ценностями разрешался также через отношение к чужакам, к врагам расы, лишенных морали, индивидуальности, не считавшихся людьми.

Таким образом, фашистский миф о лучшем мире, разделяемый миллионами уважаемых, нормальных людей, привел к страданиям, разрушениям и смерти миллионов других людей, которые считались недостойными уважения. «Отрицательная сторона фашизма в конце концов восторжествовала... Ответом была война с внутренним врагом, принятие расизма; но другое решение лежало в сфере внешней политики. Теперь укрощение активности направлялось на внешний мир... "Новый человек", о котором мечтал фашизм, потерпел поражение, став жертвой динамики, которая, в конце концов, не была удовлетворительно обуздана. Сон оказался кошмаром» [29, pp. 25–26].

Общие черты фашизма

Не менее важной была попытка Дж. Моссе разработать общую теорию фашизма, хотя в 1960–1980-е гг. многие историки отказывались от рассмотрения этой проблемы. Дж. Моссе считал, что для понимания фашизма, выявления его общих черт необходим более широкий сравнительный анализ фашистских движений, существовавших в Европе. Свои размышления на эту тему он представил во введении к первому выпуску «Журнала современной истории», полностью посвященного международному фашизму.

Дж. Моссе утверждал, что у истоков всех разновидностей фашизма стоял эмоциональный и интеллектуальный бунт, рожденный бунтом поколений конца XIX в. против индустриализации и урбанизации, угрожавших безопасности человека, утрате им личных связей и разрушению буржуазной морали. Фашизм стремился восстановить «цельного человека», преодолеть распад общества на атомы и взаимное отчуждение людей, делая упор на национализм, расизм и стремление к возрождению традиционной морали и единству нации.

Фашизм во всех странах был революционным, массовым движением, в котором «мифы и символы национализма были наложены на мифы и символы христианства». Буржуазия могла использовать эту революцию как клапан, чтобы выпустить пар своих разочарований и одновременно сохранить порядок и собственность.

Фашизм был «третьей силой», заимствовав идеи как у левых, так и у правых, предлагая уникальные возможности для национального возрождения и обеспечения культурной преемственности. Фашистская мысль сосредоточилась на создании «нового фашистского человека» [42, pp. 312–13]. Экономике фашисты уделяли мало внимания. Искусство, литература и культура имели большее значение, чем экономическое благосостояние. Фашизм был революцией, которая выражалась в культурных, а не в экономических формулах. Революция молодежи, мужественного активизма, закончилась как революция «духа». Фашизм не был чисто нигилистическим движением. Ему было присуще иррациональное мировоззрение, облеченное в форму новой религии со своим собственным мистицизмом и литургическими обрядами... религия, которая в то же время проповедовала революцию. Фашизм, считает Дж. Моссе, был не столько «бегством от свободы», как это утверждал Э. Фромм, сколько бегством в идеологию [43, pp. 5–6]. Центральным пунктом обуздания мятежа были «культовый элемент» и литургия, которые позволили обуздать революцию и превратили фашизм – даже такой, который опирался на христианскую традицию – в новую религию со своими ритуалами.

А каковы были различия между разными национальными видами фашизма? По мнению Дж. Моссе, ни расизм и антисемитизм не были необходимыми компонентами фашизма и не являлись определяющими для тех групп движения, которые ориентировались на Италию. До 1936 г. в Италии не было расизма и антисемитизма. Фашисты в Бельгии и Нидерландах тоже следовали примеру итальянских фашистов. В этих странах единственным врагом считался марксизм.

Однако эта ситуация сохранялась недолго. В 1936 г. и Муссолини стал приверженцем антисемитизма и это был результат не только нацистского влияния. С помощью антисемитизма он пытался придать новый импульс фашистскому движению, поскольку молодежь все больше разочаровывалась в его революции. Тоже самое произошло в Испании, где Фаланга стремилась стать более привлекательной для низших слоев населения. Как в Италии, так и в Испании антисемитизм помог придать движению новую динамику. Фашисты Освальда Мосли в Великобритании взяли на вооружение антисемитизм, когда поняли, что это делает их движение более динамичным, придает ему большую

боевитость, когда они маршировали через населенный преимущественно евреями лондонский квартал Ист-Энд.

В Центральной и Восточной Европе расизм и антисемитизм изначально были неотъемлемой частью фашистской идеологии. Ситуация в этой части Европы дала фашизму врага, из которого можно было сделать символ тех сил, против которых надо бороться. Кроме того, в Восточной Европе борьба за национальное освобождение была переплетена с романтизмом и расизмом задолго до появления фашизма. Гитлер продолжил эту традицию и построил на ней свой «еврейский вопрос».

В Германии врагом нацистов был не только марксизм, а его физическое воплощение в евреях. Как ни один другой западный фашизм, немецкий фашизм включил в себя массовый террор и массовое уничтожение людей. Как в Германии, так и во время кратковременного господства Железной Гвардии массовый террор и погромы были выражением активизма и направлялись против определенной группы людей, объявленных врагами. Дж. Моссе отвергает утверждение Х. Арендт, представленное в ее монографии «Происхождение тоталитаризма», что массовый террор является характерной чертой фашизма, объясняя ее ошибку, тем, что она ограничивается примером Германии. Есть разница между фашистскими актами насилия и уличными потасовками, с одной стороны, и массовым террором, с другой, считает Дж. Моссе. Массовый террор и акты насилия сдерживались во многих фашистских движениях, где нация отождествлялась с существующим государством. В Италии, например, Муссолини никогда не пытался свергнуть монархию, а в Англии, Бельгии и Голландии фашизм был лоялен по отношению к государственным институтам. Иное дело – страны Центральной и Восточной Европы: там массовый террор имел четкую цель – ликвидировать все существующие политические учреждения и основать новые.

Миллионы людей поддерживали фашизм: им казалось, что она воплощает в себе их представления о новом обществе. Буржуазная молодежь шла в ряды фашистов, потому что в ее глазах это было позитивным решением проблем промышленного и городского общества. Правда, в конечном счете верх одержала негативная сторона фашизма. Как можно было сдерживать динамику активистов, если «вечные истины» победили? Как могла литургия заполнить пустоту программ, составленных так, чтобы удовлетворить всех? Ответом была война против международного врага. Активизм можно было обуздать, направив его на внешний мир.

Заключение

Заслуга Дж. Моссе заключается в том, что он одним из первых обратился к изучению фашизма как общеевропейскому явлению, подчеркивая как разнообразие, так и сходство различных форм фашизма.

Дж. Моссе привлек внимание историков к современной массовой культуре, к ее иррациональной стороне. Как подчеркнул С. Пейн: «Любое исследование фашизма должно иметь дело с фундаментальной проблемой, которую Джордж Л. Мосс однажды описал, как попытку проанализировать иррациональное с помощью рационального исследования. Цель состоит не в том, чтобы рационализировать иррациональное, а в том, чтобы прояснить связанные с этим исторические проблемы и противоречия» [46, р. XIII]. Дж. Моссе стал первым исследователем фашизма, который обратился к изучению мифов, обрядов и символов, форм народного участия, что позволило ему сделать вывод о том, что фашизм был светской религией, которая удовлетворила потребность в вере, уверенности, авторитете, интеграции и участии миллионов людей, которые чувствовали себя отчужденными в индустриальном обществе и были напуганы вихрем современности. Краеугольным камнем его теории о фашизме как политическом движении, возникшем после Первой мировой войны, стало утверждение, что идеология, культура и политический стиль фашизма, никоим образом не были оригинальными, поскольку они уже присутствовали в традициях, существовавших до его возникновения как политического движения.

Многие концепции Дж. Моссе, ранее, подвергавшиеся критике маститых историков, способствовали в 1990-е гг. смене парадигмы в фашистских исследованиях. Историки обратились к исследованию идеологии «фёлькише», фашистской культуре и литургии. Огромный объем литературы по этим направлениям позволил профессору Колледжа Иисуса Оксфордского университета Р. Босворту, признанному специалисту по истории фашизма в Италии, констатировать, что «культурный подход» стал доминирующим в изучении режима Муссолини» [4, pp. 24–29].

Новаторские идеи Дж. Моссе о роли восстания против позитивизма в генезисе фашизма и, отведение центрального места в фашистской идеологии утопическим мифам о национальном возрождении

дени из упадка, создании «нового человека», опередили современные широко распространенные в западной историографии концепции фашизма, как «паленгенетического ультрационализма».

Конечно, не со всеми концепциями Дж. Моссе можно соглашаться, но они дают направления для дальнейших исследований фашизма. По словам его биографа К. Плессини, Дж. Моссе был скорее «разведчиком», чем «поселенцем» [47, р. 16].

Дж. Моссе можно упрекать в том, что он слишком сосредоточился на анализе фашистской идеологии и культуры, что он рассматривал идеологию как сущность фашизма, исключая из общей теории фашизма организационное и институциональное измерение, практическую реализацию провозглашенных установок. Сам Дж. Моссе неоднократно подчеркивал, что социальные и экономических факторы игнорировать не следует, нельзя «искать единственный ключ, чтобы раскрыть тайны существования и успеха фашизма» [28, р. IX]. Причина его сосредоточенности на культурном измерении, по-видимому, объясняется его стремлением глубоко разработать один из блоков общей теории фашизма – идеологический, оставляя за рамками своего исследования другие фундаментальные блоки, предоставляя их разработку своим коллегам. Дж. Моссе пишет: «Любая общая теория фашизма должна быть не более чем гипотезой, которая соответствует большинству фактов. Мы попытаемся свести воедино некоторые из основных строительных блоков для такой общей теории – их, по-видимому, достаточно, чтобы построить по крайней мере временное жилище» [34, р. 1].

Дж. Моссе был не согласен с мнением, о том, что в западных либеральных демократиях фашистская угроза устранена полностью и полагал, что «психологическая база» для фашизма по-прежнему существует. Его взгляд на человеческую природу, как мы видели, во многом опирался на психологические и антропологические категории и был основан на предположении, что механизмы человеческой психики не меняются во времени, и что первобытный человек, как и современный, имеют «сходство» в своих желаниях и устремлениях, реакциях и разочарованиях» [15, р. 451]. Самым зловещим, по мнению Дж. Моссе, является национализм – основная сила, сделавшая возможным фашизм, который не только сохранился, но и набирает силу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Always an Emigrant: Conversations with George L. Mosse. Interview by Uwe Stelbrink, 1990–1991. Trans. James Keller. Collection of John Tortorice, George L. Mosse Program, University of Wisconsin-Madison. 1998. 58 p.
2. Aschheim, S.E. Culture and Catastrophe: German and Jewish Confrontations with National Socialism and Other Crises. New York, 1996. 288 p.
3. Bates T. A True Story of the End of the Sixties. HarperCollins. 1993. 496 p.
4. Bosworth, R. J. B. The Italian Dictatorship: Problems and Perspectives in the Interpretation of Mussolini and Fascism. London: Arnold, 1998. 288 p.
5. Burke P. Cultural History, Ritual and Performance: George L. Mosse in Context // Journal of Contemporary History. 2020. No. 56 (4). P. 1-14.
6. Corsten A. George Mosse and the «Quest for German National Identity» // Journal of the history of Ideas. September, 2020.
7. De Felice R. Lo storico e il personaggio, Laterza, Roma-Bari, 2003. 165 p.
8. Gentile E. «Renzo e George, anti-antifascisti». Il Sole 24 Ore, 14 May 2006.
9. Gentile E. Fascismo: Storia e Interpretazione. Roma: Bari, 2003. 338 p.
10. George Mosse and Political Symbolism/ Political Symbolism in Modern Europe. Essays in Honor of George L. Mosse, Seymour Drescher, David Sabean, Allan Sharlin (ed. by), Transaction Books, New Brunswick, 1982, 310 p.
11. Herf J. The Historian as Provocateur: George Mosse's Accomplishment and Legacy, Yad Vashem Studies, Vol. 29, 2001. Pp.7-27.
12. Hitler, A. Mein Kampf. Chapter 11: Nation and Race. Publisher: Mariner Books, Language: English, 1996. 720 p.
13. Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870-1914/ Hobsbawm E. and Ranger T. (eds), The Invention of Tradition (Cambridge 1983). 320 p.
14. Leeman M. The transatlantic reconstruction of “Western” culture: George Mosse, Peter Gay, and the development of the German tradition of Geistesgeschichte// German Historical Institute Washington Bulletin, Supplements Bd. 10 (2014) Pp.139-159.
15. Mosse G.L. History, Anthropology, and Mass Movements// American Historical Review 75, no. 2 1969. Pp. 447–452.
16. Mosse G.L. Albert Speer's Hitler, Spandau: The Secret Diaries// Quadrant 20, no. 10 (1976). Pp.53-55.
17. Mosse G.L. Conservatism. The Intellectual Foundations of National Socialism. Seminar held at Stanford University, European Studies Seminar Center, autumn 1963, conducted by George Mosse. Stanford, Calif.: N.p., 1964.

18. Mosse G.L. Culture, Civilization, and German Anti-Semitism// *Judaism* 3, 1958. Pp. 256–67.
19. Mosse G.L. E. Nolte on Three Faces of Fascism// *Journal of the History of Ideas* 4, 1966. Pp. 621–25.
20. Mosse G.L. Europe and the Modern World – Final Lecture, undated, George L. Mosse Collection; AR 25137; box 19; folder 33; Leo Baeck Institute. 310 p.
21. Mosse G.L. Fascist Aesthetics and Society: Some Considerations// *Journal of Contemporary History*, Vol. 31, No. 2, 1996. Pp. 245-252.
22. Mosse G.L. Germans and Jews: The Right, the Left, and the Search for a "Third Force" in Pre-Nazi Germany. New York: Howard Fertig, 1970. 260 p.
23. Mosse G.L. Ich bleibe Emigrant: Gespräche mit George L. Mosse, Dietz, Berlin, 1991. 121 p. op. cit., 77
24. Mosse G.L. Masses and Man. Nationalist and Fascist Perceptions of Reality. Detroit: Wayne State, 1987. 376 p.
25. Mosse G.L. Nazi Culture. Intellectual, Cultural, and Social Life in the Third Reich Madison: University of Wisconsin Press, 1978. 448 p.
26. Mosse G.L. Nazism. A Historical and Comparative Analysis of National Socialism: An Interview with Michael A. Ledeen. New Brunswick, 1978. 134 p.
27. Mosse G.L. The Crisis of German Ideology: intellectual origins of the Third Reich. New York: Schocken, 1964. 388 p.
28. Mosse G.L. The Fascist Revolution. Toward a General Theory of Fascism. New York: Howard Fertig, 1999. 230 p.
29. Mosse G.L. The Genesis of Fascism//*Journal of Contemporary History*. Vol. 1 Number 1, 1966. Pp.14-26.
30. Mosse G.L. The Image of Man: Creating Modern Masculinity. New York: Oxford UP, 1996. 240 p.
31. Mosse G.L. The Image of the Jew in German Popular Culture: Felix Dahn and Gustav Freytag// *Leo Baeck Institute Year Book 2* (London: Secker & Warburg, 1957). Pp. 218–27.
32. Mosse G.L. The Pragmatism of the Freshman History Course// *Social Studies*, 8 (December). 1957. Pp. 289–92.
33. Mosse G.L. The Reformation, 3rd ed. Hinsdale, Ill.: Dryden Press, 1963. 136 p.
34. Mosse G.L. Toward the Final Solution. A History of European Racism. New York: Howard Fertig, 1997. 297 p.
35. Mosse G.L. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. New York: Oxford University, 1990. 264 p.
36. Mosse G.L. The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich. New York: Howard Fertig, 1975. 252 p.
37. Mosse G.L. Calvinism: Authoritarian or Democratic? New York: Rinehart, 1957. 32 p.
38. Mosse G.L. Confronting History. A Memoir, The University of Wisconsin Press, Madison, 2000. 219 p.
39. Mosse G.L. Europe and the Modern World – Final Lecture, undated, George L. Mosse Collection; AR 25137; box 19; folder 33; Leo Baeck Institute.
40. Mosse G.L. The Image of the Jew in German Popular Culture: Felix Dahn and Gustav Freytag. *Leo Baeck Institute Year Book 2*. London: Secker & Warburg, 1957. 218–27
41. Mosse G.L. Mass Politics and the Political Liturgy of Nationalism. In *Nationalism: The Nature and Evolution of an Idea*, ed. Eugene Kamenka, 38–54. Canberra: Australian National University Press, 1973.
42. Mosse G.L. The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich (New York: Schocken Books, Inc., 1981. 373 p.
43. Mosse G.L. The Culture of Western Europe. The Nineteenth And Twentieth Centuries. John Murray, London. 1963. 438 p.
44. Mosse G.L. The Fascist Revolution: Toward a General Theory of Fascism, New York 1999, pp. 1-45.
45. Mosse G.L. The Poet and the Exercise of Political Power: Gabriele D'Annunzio." *Yearbook of Comparative and General Literature* 22. 1973. Pp. 32–41.
46. Payne S. A History of Fascism 1914-1945, London, UCL Press, 1995. 613 p.
47. Plessini K. The Perils of Normalcy: George L. Mosse and the Remaking of Cultural History. Madison, University of Wisconsin Press, 2014. 284 p.
48. Rabinbach A. George L. Mosse 1919-1999: An Appreciation// *Central European History*, vol. 32, no. 3, 1999. Pp. 331-336.
49. Sabean D.W. George Mosse and The Holy Pretence/ What History Tells: George L. Mosse and the Culture of Modern Europe. Ed. by Stanley G. Payne, David J. Sorkin, John S. Tortorice University of Wisconsin Press; 2003. P. 15-24.
50. Schwarz G. Theodor Wolff und das «Berliner Tageblatt». Eine liberale Stimme in der deutschen Politik 1906-1933, Mohr, Tuebingen, 1968. 311 p.
51. What History Tells: George L. Mosse and the Culture of Modern Europe. Ed. by Stanley G. Payne, David J. Sorkin, John S. Tortorice University of Wisconsin Press; 2003. 292 p.

Поступила в редакцию 03.09.2022

Сергеевкова Инна Фёдоровна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии, международных отношений и всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: sergeenkova.inna@yandex.ru

*I.F. Sergeenkova***FASCISM IN THE WORKS OF THE AMERICAN HISTORIAN GEORGE MOSSE (1918–1999)**

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-4-527-544

The author examines the assessments of fascism presented in the works of the famous American historian G. Mosse. G. Mosse was one of the first to consider fascism as a pan-European phenomenon, emphasizing both the diversity and similarity of various fascist movements. Among the common features that should be considered in national contexts, he singled out: the concept of revolution as a "spiritual revolution", nationalist or racist mysticism, the search for a "third way", revolutionary dynamism and the problem of "taming the revolution", the myth of the new man, the fusion of bourgeois morality and respectability with the ethics of fascism, represented by militant and traditionalist models of courageous men. G. Mosse was one of the first to turn to anthropology to reconstruct the belief system of people who lived in the late XIX and early XX centuries to explain how the Third Reich could become a political reality. G. Mosse pays great attention to the ideological factor, considering the prerequisites of fascism, at a time when the fascist ideology was perceived by historians as complete nonsense. G. Mosse characterizes fascism as a secular religion and turns to the study of the "liturgical elements" of fascism, symbols and myths as means to understand how modern mass movements received popular support. His numerous publications contributed to a paradigm shift in fascist studies. In this sense, he anticipated the cultural orientation of later authors, such famous historians of fascism as S. Payne, R. Griffin and E. Gentile.

Keywords: Nazism, fascism, ideology, revolution, secular religion, aesthetics of fascism, nationalism, new man, "third way", liturgy.

REFERENCES

1. Always an Emigrant: Conversations with George L. Mosse. Interview by Uwe Stelbrink, 1990–1991. Trans. James Keller. Collection of John Tortorice, George L. Mosse Program, University of Wisconsin-Madison. 1998. 58 p.
2. Aschheim, S.E. Culture and Catastrophe: German and Jewish Confrontations with National Socialism and Other Crises. New York, 1996. 288 p.
3. Bates T. A True Story of the End of the Sixties. HarperCollins. 1993. 496 p.
4. Bosworth, R. J. B. The Italian Dictatorship: Problems and Perspectives in the Interpretation of Mussolini and Fascism (London: Arnold, 1998). 288 p.
5. Burke P. Cultural History, Ritual and Performance: George L. Mosse in Context// Journal of Contemporary History. 2020 56(4). Pp. 1-14.
6. Corsten A. George Mosse and the «Quest for German National Identity»//Journal of the history of Ideas. September, 2020.
7. De Felice R. Lo storico e il personaggio, Laterza, Roma-Bari, 2003. 165 p.
8. Gentile E. «Renzo e George, anti-antifascisti». Il Sole 24 Ore, 14 May 2006.
9. Gentile E. Fascismo: Storia e Interpretazione. Roma: Bari, 2003. 338 p.
10. George Mosse and Political Symbolism/ Political Symbolism in Modern Europe. Essays in Honor of George L. Mosse, Seymour Drescher, David Sabeau, Allan Sharlin (ed. by), Transaction Books, New Brunswick, 1982, 310 p.
11. Herf J. The Historian as Provocateur: George Mosse's Accomplishment and Legacy, Yad Vashem Studies, Vol. 29, 2001. Pp.7-27.
12. Hitler, A. Mein Kampf. Chapter 11: Nation and Race. Publisher: Mariner Books, Language: English, 1996. 720 p.
13. Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870-1914/ Hobsbawm E. and Ranger T. (eds), The Invention of Tradition (Cambridge 1983). 320 p.
14. Leeman M. The transatlantic reconstruction of "Western" culture: George Mosse, Peter Gay, and the development of the German tradition of Geistesgeschichte// German Historical Institute Washington Bulletin, Supplements Bd. 10 (2014) Pp.139-159.
15. Mosse G.L. History, Anthropology, and Mass Movements// American Historical Review 75, no. 2 1969. Pp. 447–452.
16. Mosse G.L. Albert Speer's Hitler, Spandau: The Secret Diaries// Quadrant 20, no. 10 (1976). Pp.53-55.
17. Mosse G.L. Conservatism. The Intellectual Foundations of National Socialism. Seminar held at Stanford University, European Studies Seminar Center, autumn 1963, conducted by George Mosse. Stanford, Calif.: N.p., 1964.
18. Mosse G.L. Culture, Civilization, and German Anti-Semitism// Judaism 3, 1958. Pp. 256–67.
19. Mosse G.L. E. Nolte on Three Faces of Fascism// Journal of the History of Ideas 4, 1966. Pp. 621–25.
20. Mosse G.L. Europe and the Modern World – Final Lecture, undated, George L. Mosse Collection; AR 25137; box 19; folder 33; Leo Baeck Institute. 310 p.
21. Mosse G.L. Fascist Aesthetics and Society: Some Considerations// Journal of Contemporary History, Vol. 31, No. 2, 1996. Pp. 245-252.

22. Mosse G.L. *Germans and Jews: The Right, the Left, and the Search for a "Third Force" in Pre-Nazi Germany*. New York: Howard Fertig, 1970. 260 p.
23. Mosse G.L. *Ich bleibe Emigrant: Gespräche mit George L. Mosse*, Dietz, Berlin, 1991. 121 p. op. cit., 77
24. Mosse G.L. *Masses and Man. Nationalist and Fascist Perceptions of Reality*. Detroit: Wayne State, 1987. 376 p.
25. Mosse G.L. *Nazi Culture. Intellectual, Cultural, and Social Life in the Third Reich* Madison: University of Wisconsin Press, 1978. 448 p.
26. Mosse G.L. *Nazism. A Historical and Comparative Analysis of National Socialism: An Interview with Michael A. Ledeen*. New Brunswick, 1978. 134 p.
27. Mosse G.L. *The Crisis of German Ideology: intellectual origins of the Third Reich*. New York: Schocken. 1964. 388 p.
28. Mosse G.L. *The Fascist Revolution. Toward a General Theory of Fascism*. New York: Howard Fertig, 1999. 230 p.
29. Mosse G.L. *The Genesis of Fascism*//*Journal of Contemporary History*. Vol. 1 Number 1, 1966. Pp.14-26.
30. Mosse G.L. *The Image of Man: Creating Modern Masculinity*. New York: Oxford UP, 1996. 240 p.
31. Mosse G.L. *The Image of the Jew in German Popular Culture: Felix Dahn and Gustav Freytag*// *Leo Baeck Institute Year Book 2* (London: Secker & Warburg, 1957). Pp. 218–27.
32. Mosse G.L. *The Pragmatism of the Freshman History Course*// *Social Studies*, 8 (December). 1957. Pp. 289–92.
33. Mosse G.L. *The Reformation*, 3rd ed. Hinsdale, Ill.: Dryden Press, 1963. 136 p.
34. Mosse G.L. *Toward the Final Solution. A History of European Racism*. New York: Howard Fertig, 1997. 297 p.
35. Mosse G.L. *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. New York: Oxford University, 1990. 264 p.
36. Mosse G.L. *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich*. New York: Howard Fertig. 1975. 252 p.
37. Mosse G.L. *Calvinism: Authoritarian or Democratic?* New York: Rinehart, 1957. 32 p.
38. Mosse G.L. *Confronting History. A Memoir*, The University of Wisconsin Press, Madison, 2000. 219 p.
39. Mosse G.L. *Europe and the Modern World – Final Lecture*, undated, George L. Mosse Collection; AR 25137; box 19; folder 33; Leo Baeck Institute.
40. Mosse G.L. *The Image of the Jew in German Popular Culture: Felix Dahn and Gustav Freytag*. Leo Baeck Institute Year Book 2. London: Secker & Warburg, 1957. 218–27
41. Mosse G.L. *Mass Politics and the Political Liturgy of Nationalism*. In *Nationalism: The Nature and Evolution of an Idea*, ed. Eugene Kamenka, 38–54. Canberra: Australian National University Press, 1973.
42. Mosse G.L. *The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich* (New York: Schocken Books, Inc., 1981. 373 p.
43. Mosse G.L. *The Culture of Western Europe. The Nineteenth And Twentieth Centuries*. John Murray, London. 1963. 438 p.
44. Mosse G.L. *The Fascist Revolution: Toward a General Theory of Fascism*, New York 1999, pp. 1-45.
45. Mosse G.L. *The Poet and the Exercise of Political Power: Gabriele D'Annunzio.* Yearbook of Comparative and General Literature 22. 1973. Pp. 32–41.
46. Payne S. *A History of Fascism 1914-1945*, London, UCL Press, 1995. 613 p.
47. Plessini K. *The Perils of Normalcy: George L. Mosse and the Remaking of Cultural History*. Madison, University of Wisconsin Press, 2014. 284 p.
48. Rabinbach A. *George L. Mosse 1919-1999: An Appreciation*// *Central European History*, vol. 32, no. 3, 1999. Pp. 331-336.
49. Sabeian D.W. *George Mosse and The Holy Pretence/ What History Tells: George L. Mosse and the Culture of Modern Europe*. Ed. by Stanley G. Payne, David J. Sorkin, John S. Tortorice University of Wisconsin Press; 2003. P. 15-24.
50. Schwarz G. *Theodor Wolff und das «Berliner Tageblatt». Eine liberale Stimme in der deutschen Politik 1906-1933*, Mohr, Tuebingen, 1968. 311 p.
51. *What History Tells: George L. Mosse and the Culture of Modern Europe*. Ed. by Stanley G. Payne, David J. Sorkin, John S. Tortorice University of Wisconsin Press; 2003. 292 p.

For citation:

Sergeenkova I.F. Fascism in the works of the American Historian George Mosse (1918–1999) // *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2022. Vol. 6, iss. 4. P. 527–544. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-4-527-544> (In Russ.).

Received 03.09.2022

Sergeenkova I.F., Candidate of History, Associate professor
at Department of Modern and Contemporary History and International Relations
Udmurt State University
Universitetskaya, st., 1, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: sergeenkova.inna@yandex.ru